

Иван Тургенев

Отчаянный

Иван Сергеевич Тургенев

Отчаянный

Серия «Отрывки из воспоминаний

– своих и чужих», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3006205

Аннотация

С художественной стороны рассказ в большинстве отзывов был оценен положительно. Так, например, Арс. И. Введенский писал, что «Отчаянный» «производит впечатление в высшей степени целостное и живое». Анонимный рецензент «Голоса» в «Литературной летописи» отмечал, что «портрет» Миши Полтева «принадлежит к числу наиболее удачных из тех, какие выходили из-под пера Тургенева. Он совсем живой; забыть его, раз на него взглянув, невозможно. Вообще вся серия рассказов, названная автором „Из воспоминаний своих и чужих“, из которой в прошлом году появился уже рассказ „Старички“ (То есть «Старые портреты»), обещает быть собранием законченных очерков»...

Содержание

I	4
II	8
III	13
IV	16
V	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23
Комментарии	

Иван Сергеевич Тургенев

Отчаянный

I

...Нас было человек восемь в комнате – и мы разговаривали о современных делах и людях.

– Не понимаю я этих господ! – заметил А., – они отчаянные какие-то! Право, отчаянные... Ничего подобного еще никогда не бывало.

– Нет, бывало, – вмешался П., уже старый, седоволосый человек, родившийся около двадцатых годов нынешнего столетия, – отчаянные люди водились и прежде; только не походили они на нынешних отчаянных. Про поэта Языкова кто-то сказал, что у него был восторг, ни на что не обращенный, беспредметный восторг;^[1] так и у тех людей – отчаянность была беспредметная. Да вот, если позволите, я вам расскажу историю моего двоюродного племянника, Миши Полтева. Она может служить образчиком тогдашней отчаянности.

Явился он на свет божий, помнится, в 1828 году, в родовом поместье своего отца, в одном из самых глухих уголков глухой, степной губернии. Мишина отца, Андрея Николаевича Полтева, я еще хорошо помню. Это был настоящий

старозаветный помещик, богобоязненный, степенный человек, достаточно – по тому времени – образованный, немного, правду сказать, придурковатый, да и к тому же страдавший падучей болезнью... Это тоже старозаветная, дворянская болезнь... Впрочем, припадки у Андрея Николаевича бывали тихие, и разрешались они обыкновенно сном да унылостью. Сердца он был доброго, обращения приветливого, не без некоторой величавости: я себе всегда таким воображал царя Михаила Федоровича. Вся жизнь Андрея Николаевича протекла в неукоснительном исполнении всех с давних времен установившихся обрядов, в строгом соответствии со всеми обычаями древнеправославного, святорусского быта. Он вставал и ложился, кушал и в баню ходил, веселился и гневался (то и другое, правда, редко), даже трубку курил, даже в карты играл (два больших новшества!) не так, как бы ему вздумалось, не на свой манер, а по завету и преданию отцов – истово и чинно. Сам он был высокого роста, осанист и мясист, голос имел тихий и несколько хриловатый, как оно часто бывает у русских добродетельных людей; соблюдал опрятность в белье и одежде, носил белые галстухи и табачного цвета длиннополые сюртуки, а дворянская кровь все-таки сказывалась: за поповича или купца никто бы его не принял! Всегда, при всех возможных случаях и встречах Андрей Николаевич несомненно знал, как надо поступать, что надо говорить и какие именно выражения употреблять; знал, когда должно лечиться и чем именно, каким приме-

там должно верить и какие можно оставлять без внимания... словом, знал всё, что следует делать... Ибо всё, мол, стариками предусмотрено и указано – своего только не придумывай... А главное: без бога – ни до порога! Должно сознаться: скука смертельная царила в его доме, в этих низких, теплых и темных комнатах, столь часто оглашаемых пением всеобщих и молебных, с почти не переводившимся запахом ладана и постных кушаний!

Женился Андрей Николаевич, уже не в первой молодости, на соседней бедной барышне, очень нервической и болезненной особе, бывшей институтке. Она недурно играла на фортепиано, говорила по-французски на институтский лад; охотно восторгалась и еще охотнее предавалась меланхолии и даже слезам... Словом – характера была беспокойного. Считая жизнь свою загубленной, она не могла любить своего мужа, который, «конечно», ее не понимал; но она уважала... она сносила его; и будучи существом вполне честным и вполне холодным, ни разу даже не подумала о другом «предмете». К тому же ее постоянно поглощали заботы, во-первых, о своем собственном, действительно слабом здоровье; во-вторых, о здоровье мужа, припадки которого ей всегда внушали нечто вроде суеверного ужаса; а наконец, и о единственном своем сыне, Мише, которого она воспитывала сама с большим рвением. Андрей Николаевич не мешал жене заниматься Мишей – но с условием: ни под каким видом не выступать из однажды навсегда назначенных рамок,

в которых всё должно было вращаться у него в доме! Так, например: в святки и под Новый год, в Васильев вечер Мише позволялось наряжаться вместе с другими «хлопчиками», и не только позволялось, но даже ставилось в обязанность... Зато – сохрани бог в другое время! и т. д. и т. д.

II

Помню я этого Мишу лет тринадцати. Это был очень милый мальчик с розовыми щечками и мякенькими губками (да и весь он был мякенький да пухленький), с несколькими выпуклыми влажными глазами, тщательно приглаженный и причесанный, ласковый и стыдливый – настоящая девочка! Одно только в нем мне не нравилось: смеялся он редко; но когда смеялся – зубы его, крупные, белые и по-звериному заостренные, неприятно выставлялись – и самый смех звучал чем-то резким и даже диким, почти зверским, – а в глазах пробегали нехорошие искры. Мать всё хвалила его за то, что он такой послушный и вежливый – и с мальчиками-шалунами не любит знаться, а всё больше льнет к женскому обществу. «Матушкин сынок, неженка, – отзывался о нем отец, Андрей Николаевич, – но зато в храм божий ходит охотно... И это меня радует». Один только старик сосед, бывший исправник, сказал раз при мне о Мише: «Помилуйте, бунтовщик будет». И это слово меня, помнится, тогда очень удивило. Бывший, исправник, правда, всюду видел бунтовщиков.

Точно таким примерным юношей оставался Миша до 18-летнего возраста, до самой смерти родителей, которых он лишился едва ли не в один и тот же день. Живя постоянно в Москве, я ничего не слышал о моем молодом родственнике. Правда, один приезжий из его губернии уверял меня, буд-

то бы Миша продал за бесценок свое родовое имение; но это известие казалось мне слишком неправдоподобным! И вот вдруг, в одно осеннее утро, на двор моего дома влетает коляска, запряженная парой превосходных рысаков, с чудовищным кучером на козлах; а в коляске – облеченный в шинель военного покроя с двухаршинным бобровым воротником, с фуражкой набекрень *à la diable m'emporte*¹, сидит... Миша! Увидав меня (я стоял у окна гостиной и с изумлением глядел на влетевший экипаж), он захохотал своим резким хохотом и, лихо тряхнув обшлагом шинели, выпрыгнул из коляски и вбежал в дом.

– Миша! Михаил Андреевич! – начал было я... – Вы ли это?

– Говорите мне: «ты» и «Миша», – перебил он меня. – Я... это я, собственной персоной... явился в Москву... на людей посмотреть... и себя показать. Вот и к вам заехал. Каковы рысачки?.. А? – он опять захохотал.

Хотя лет семь прошло с тех пор, как я в последний раз видел Мишу, но узнал я его тотчас. Лицо у него осталось совсем молодым и по-прежнему миловидным, – даже ус не пробился; только под глазами на щеках появилась одутловатость – и изо рта пахло вином.

– Да давно ли ты в Москве? – спросил я. – Я полагал, что ты там в деревне, хозяйничаешь...

– Э! Деревню-то я тотчас побоку! Как только родители,

---

¹ а-ля чёрт меня побери (франц.).

царство им небесное, скончались (Миша перекрестился истово, без малейшего кощунства) – я сейчас, нимало не медля... эйн, цвей, дрей! ха-ха! Дешево спустил, канальство! Такой подвернулся шельмец. Ну, да всё равно! По крайней мере проживу в свое удовольствие – и других потешу. Да что вы на меня так уставились? Неужто же в самом деле мне было тянуть да тянуть эту капитель?.. Голубчик, родной, нельзя ли чарочку?

Миша говорил ужасно скоро, торопливо и в то же время как бы спросонья.

– Миша, помилуй! – возопил я, – побойся ты бога! На кого ты похож, в каком ты виде? А еще чарочку! И продать такое хорошее имение за бесценок...

– Бога я всегда боюсь и помню, – подхватил он. – Да ведь он добрый – бог-то... простит! И я тоже добрый... никого еще в жизни не обидел. И чарочка тоже добрая; и обижать... тоже никого не обижает. А вид у меня самый настоящий... Дяденька, желаете, стрункой по половице пройду? Или попляшу немного?

– Ах, пожалуйста, избавь! Какой тут пляс? Ты лучше сядь.

– Сесть-то я сяду... Да что вы мне ничего не скажете о моих серых? Вы посмотрите, ведь львы! Пока я их нанимаю, но куплю непременно... вместе с кучером. Свои лошади не в пример выгоднее. И деньги ведь были, да спустил их вчера в банчишко.^[2] Ничего, завтра наверстаем. Дяденька... а что же чарочку?

Я всё еще не мог опомниться.

– Помилуй, Миша, сколько тебе лет? Не лошадами, не карточной игрой тебе заниматься следует... а в университет поступить, или на службу.

Миша сперва опять захохотал, потом свистнул протяжно.

– Ну, дяденька, я вижу, вы теперь в меланхолическом настроении. Заверну в другой раз. А вы вот что: заезжайте-ка вечером в Сокольники. Там у меня палатка разбита. Цыгане поют...^[3] Фу ты! ну ты! держись только! А на палатке вымпел, а на вымпеле ба-альшими буквами написано: «Хор полтевских цыган». Змеем вымпел-то вьется, буквы золотые, всякому прочесть лестно. Угощение – кто только пожелает!.. Отказу нет. Пыль по всей Москве пошла... мое почтение!.. Что ж? Заедете? Уж какая там у меня есть одна... аспид! Черна, как сапог, злюща, как собака, а глаза... уголья! Никогда невозможно знать: что она – поцелует или укусит? Заедете, дяденька?.. Ну, до свидания!

И, внезапно обняв и чмокнув меня в плечо, Миша выскочил на двор, в коляску, махнул над головой фуражкой, гикнул, – чудовищный кучер покосился на него через бороду, рысаки рванулись, и всё исчезло!

На другой день я, грешный человек, поехал-таки в Сокольники и действительно увидел палатку с вымпелом и надписью. Пóлы палатки были приподняты: шум, треск, визг неслись оттуда. Народ толпился кругом. На земле на разостланном ковре сидели цыгане, цыганки, пели, били в бубны,

а посреди их, с гитарой в руках, в шелковой рубаше и бархатных шароварах, юлою вертелся Миша. «Господа! почтенные! милости просим! сейчас представление начнется! Даровое! – кричал он надтреснутым голосом. – Эй! шампанского! хлоп! в лоб! в потолок! Ах ты, шельма, Поль де Кок!»^[4] – К счастью, он не увидал меня, и я поспешил удалиться.

Не буду, господа, я распространяться о моем изумлении при виде такой перемены. И в самом деле, как мог этот смирный и скромный мальчик превратиться вдруг в пьяного шалопаю?! Неужто же это всё в нем таилось с детства и тотчас выступило наружу, как только соскочил с него гнет родительской власти? А что пыль пошла от него по Москве, как он выражался, – в этом уже точно не было никакого сомнения. Видал я кутил на своем веку; но тут проявлялось нечто неистовое, какое-то бешенство самоистребления, какое-то отчаяние!

III

Месяца два продолжалась эта потеха... И вот стою я опять у окна в гостиной и посматриваю на двор... Вдруг – что за притча?! входит в ворота тихой поступью послушник... Шапюлька гречником надвинута на лоб, волосики из-под ней расчесаны направо и налево... длинный подрясник, кожаный пояс... Неужели Миша? Он и есть!

Вышел я к нему на крыльцо...

– Это что за маскарад? – спрашиваю я.

– Не маскарад, дяденька, – отвечает мне Миша с глубоким вздохом. – А так как я всё мое имущество до последней копейки растранижил – да и раскаяние мною овладело сильное, – то и решил я отправиться в Троицкую Сергиеву лавру^[5] грехи свои отмаливать. Ибо какой мне теперь приют остался?.. И вот пришел я к вам проститься, дяденька, как блудный сын...

Я посмотрел в упор на Мишу. Лицо всё такое же, розовое да свежее (впрочем, оно так и не изменилось у него до конца), и глаза влажные да ласковые с поволокой, и ручки беленькие... А вином отдает.

– Что ж? – промолвил я наконец, – дело хорошее – коли другого исхода нет. Но зачем же от тебя вином-то пахнет?

– Старая закваска, – ответил Миша и вдруг засмеялся – да тотчас спохватился и, поклонившись прямым и низким,

монашеским поклоном, прибавил: – Не пожалуйте ли что на путь-дороженьку? Ведь в монастырь иду я пешком...

– Когда?

– Сегодня... сейчас.

– К чему же так спешить?

– Дяденька! Мой девиз всегда был: скорей! скорей!

– А теперь какой у тебя девиз?

– И теперь тот же... Только – к *добру* скорей!

Так Миша и ушел, предоставив мне размышлять о превратностях судеб человеческих.

Но он скоро опять напомнил мне о своем существовании. Месяца два спустя после его посещения я получил от него письмо, первое из тех писем, которыми он впоследствии наделял меня.^[6] И заметьте странность: я редко видывал более опрятный и четкий почерк, чем у этого безалаберного человека. И слог его писем был очень правильный, слегка витиеватый. Неизменные просьбы о помощи всегда чередовались с обещаниями исправиться, честными словами и клятвами... Всё это казалось – а может, и было – искренним. Росчерк Миши под письмом постоянно сопровождался особенными закрутасами, черточками и точками – и много употреблял он восклицательных знаков. В том первом письме Миша извещал меня о новом «обороте своей фортуны». (Впоследствии он называл эти обороты – нырками... и нырял он часто.) Он отправлялся на Кавказ служить «грудью» царю и отечеству, в качестве юнкера! И хотя некая добродетель

тельная тетка вошла в его бедственное положение и прислала ему незначительную сумму, – он, однако, все-таки просил и меня помочь ему экипироваться. Я исполнил его просьбу и в течение двух лет опять ничего не слышал о нем.

Признаться, я сильно сомневался в том, поехал ли он на Кавказ? Но оказалось, что он точно поехал туда, по протекции поступил в Т...й полк юнкером и прослужил в нем эти два года. Целые легенды составились там о нем. Мне их сообщил один офицер его полка.

IV

Я узнал много такого, чего я и от него не ожидал. Меня, конечно, не удивило то, что военным человеком, служакой, он оказался плохим, даже просто негодным; но чего я не ожидал, так это того, что и храбрости в нем особенной не замечалось; что в сражениях он имел вид унылый и вялый, не то скучал, не то смущался. Всякая дисциплина его стесняла, внушала ему грусть; дерзок он был до сумасбродства, когда дело шло только о нем *лично*: не было такого безумного пари, от которого бы он отказался; но делать зло другим, убивать, драться он не мог – быть может, оттого, что сердце у него было доброе, а быть может, оттого, что «хлопчатобумажное» (как он выражался) воспитание его изнежило. Самого себя истреблять он был готов всячески и во всякое время... Но других – нет. «Чёрт его разберет, – толковали о нем товарищи, – дряблый он, тряпка – и отчаянный какой-то, просто оглашенный!» Случалось мне впоследствии спрашивать Мишу: какой это злой дух его толкает, заставляет пить запоем, рисковать жизнью и т. п.? У него всегда был один ответ: тоска!

– Да отчего – тоска?

– Как же, помилуйте! Придешь этаким образом в себя, почувствуешь, станешь размышлять о бедности, о несправедливости, о России... Ну – и кончено! Сейчас тоска – хоть

пулю в лоб! Закутишь поневоле.

– Россию-то ты зачем сюда приплел?

– А то как же? Нельзя! Оттого я и боюсь размышлять.

– Всё это у тебя – и тоска эта – от бездействия.

– Да не умею я ничего делать, дяденька! родной! Вот взять да жизнь на карту поставить – паролі пэ,^[7] да щелк за воротник! Это я умею! Вы вот научите меня, что мне делать, жизнью из-за чего рискнуть! Я – сию минуту!..

– Да ты живи просто... Зачем рисковать?

– Не могу! Вы скажете: необдуманно я поступаю... Как же иначе?... Станешь думать – и, господи, что в голову ползет! Это немцы одни думают!..

Как тут было разговаривать с ним? Отчаянный – да и полно!

Из числа кавказских легенд, о которых я упомянул, расскажу вам две, три. Однажды, в обществе офицеров, стал Миша хвастаться выменянной шашкой: «Настоящий персидский клинок!» Офицеры выразили сомнение, точно ли клинок настоящий? Миша заспорил. «Да вот, – воскликнул он наконец, – говорят, насчет шашек первый знаток – Абдулка кривой. Поеду к нему и спрошу». Офицеры изумились. «Это какой Абдулка? Что в горах живет? Не мирной? Абдулхан?» – «Он самый и есть». – «Да он тебя за лазутчика примет, в клоповник засадит – а не то этой самой шашкой голову тебе срежет. Да и как ты доберешься до него? Тебя сейчас сцапают». – «А я все-таки поеду к нему». – «Пари, что

не поедешь!» – «Пари!» – И Миша тотчас оседлал лошадь и поехал к Абдулке. Три дня пропадал. Все были убеждены, что пришел оглашенному конец. Глядь! вернулся – пьянехонек и с шашкой, только не с той, которую повез, а с другою. Стали его расспрашивать. «Ничего, говорит, добрый Абдулка человек. Сперва точно кандалы велел мне на ноги набить и даже на кол посадить собирался. Только я объяснил ему, зачем приехал, и шашку показал. „И не задерживай ты меня, говорю: выкупа, говорю, за меня не жди; гроша у меня за душою нет – и родных не имеется“. Удивился Абдулка; посмотрел на меня единым своим глазом. „Ну, говорит, делибаш ты, урус; должен я тебе верить?“ – „Верь, говорю; я не лгу никогда“. (И точно Миша никогда не лгал.) Опять посмотрел на меня Абдулка. „А пить вино умеешь?“ – „Умею, говорю; сколько дашь, столько и выпью“. Опять удивился Абдулка, аллаха помянул. И велел он тут своей – дочке, что ли, хорошенькая такая, только взгляд, как у чекалки, – притащить бурдюк. И начал я действовать. „А шашка твоя, говорит, фальшивая; вот возьми настоящую. И теперь мы с тобой кунаки“. А пари вы, господа, проиграли; платите!»

Вторая легенда о Мише вот какого свойства: он до страсти любил карты; но так как денег у него не водилось и карточные долги он не платил (хотя шулером никогда не был), то играть с ним уже никто не садился. Вот однажды начал он приставать к одному товарищу-офицеру: сыграй да сыграй с ним! «Да ведь ты проиграешь – не отдашь». – «Деньгами

точно не отдам – а левую руку себе прострелю, вот этим самым пистолетом!» – «Да какая мне от этого выгода будет?» – «Выгоды никакой – а все-таки любопытно». Разговор этот происходил после попойки, при свидетелях. Точно ли показалось офицеру любопытным Мишино предложение – только он согласился. Принесли карты, началась игра. Мише повезло: он выиграл сто рублей. И тут противник его ударил себя по лбу. «Какой же я олух! – воскликнул он, – на какую удочку попался! Кабы ты проиграл, стал бы ты себе простреливать руку – как же, держи карман!» – «А вот ты и соврал, – возразил Миша, – я и выиграл, да руку себе прострелю». Он схватил пистолет – и бац! прострелил себе руку. Пуля пролетела насквозь... а неделю спустя рана зажила совершенно.

В другой еще раз ехал Миша ночью с товарищами по дороге... И видят они, возле самой дороги зияет узкий овраг вроде расселины, темный-претемный, дна не видать. «Вот, – говорит один товарищ, – уж на что Мишка отчаянный, а в этот овраг не прыгнет». – «Нет, прыгну!» – «Нет, не прыгнешь, потому что в нем, пожалуй, сажений десять глубины и шею сломить можно». Знал приятель, за что его задеть: за самолюбие... Очень оно было у Миши велико. «А я все-таки прыгну! Хочешь пари? Десять рублей». – «Изволь!» И не успел товарищ выговорить это слово, как уже Миша с коня долой – в овраг – и загремел по камням. Все так и замерли... Прошла добрая минута, и слышат они, словно из земной утробы, доносится Мишин голос, глухо таково: «Цел!

в песок попал... А летел долго! Десять рублей за вами». – «Вылезай!» – закричали товарищи. «Да, вылезай! – отозвался Миша, – чёрта с два! вылезешь тут. Вам теперь за веревками да за фонарями ехать надо. А пока, чтобы не скучно было ждать, бросьте-ка мне фляжку...»

Так и пришлось Мише просидеть часов пять на дне оврага; и когда его вытащили, у него плечо оказалось вывихнутым. Но это несколько его не смутило. На другой же день костоправ из кузнецов вправил ему плечо, и он действовал им как ни в чем не бывало.

Вообще здоровье у него было удивительное, неслыханное. Я уже сказывал вам, что он до самой смерти сохранил почти детскую свежесть лица. Болезней он не ведал, несмотря на все излишества; крепость его организма ни разу не пошатнулась. Где бы другой непременно занемог опасно или даже умер бы, он только встряхивался, как утка на воде, и расцветал пуще прежнего. Раз, тоже на Кавказе... Правда, *эта* легенда довольно неправдоподобна, но по ней можно судить, на что считали Мишу способным... Итак, раз на Кавказе он в пьяном виде свалился в ручей нижней частью туловища – голова и руки остались на берегу, наружу. Дело было зимою, ударил сильный мороз, и когда его нашли на другое утро, ноги его и живот сквозили из-под крепкой ледяной коры, намерзшей в течение ночи – и хоть бы насморк он схватил! В другой раз (это было уже в России, под Орлом, и тоже в жестокий мороз) попал он в загородный трактир, в компанию

семи молодых семинаристов. Семинаристы эти праздновали свой выпускной экзамен, а Мишу пригласили, как милого человека, человека «со вздохом», как говорилось тогда. Выпито было чрезвычайно много, и когда наконец веселая ватага собралась к отъезду, Миша, мертвецки пьяный, находился уже в бесчувственном состоянии. У всех семи семинаристов были одни только троечные сани с высоким задком; куда было деть безответное тело? Тогда один из молодых людей, вдохновившись классическими воспоминаниями, предложил привязать Мишу за ноги к задку саней, как Гектора к колеснице Ахиллеса!^[8] Предложение было одобрено... и, подпрыгивая на ухабах, скользя боком на раскатах, с задранными кверху ногами, с вывалянной в снегу головой, проехал наш Миша на спине все двухверстное расстояние от тракта до города и хоть бы кашлянул потом, хоть бы поморщился! Таким дивным здоровьем наделила его природа!

V

С Кавказа он опять отъявился в Москву, в черкеске, с патронами на груди, с кинжалом на поясе, с высокой папахой на голове. С этим костюмом он уже до конца не расстался, хоть и не находился более на военной службе, из которой его исключили за неявку к сроку. Он побывал у меня, занял немного денег... и тут-то начались его «нырки», начались его хождения по мытарствам, или, как он выражался, по семи Семионам,^[9]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Про поэта Языкова кто-то сказал ~ беспредметный восторг... – Возможно, Тургенев вспоминает суровую оценку поэзии Н. М. Языкова, которая встречается у Белинского, в частности в его статье «Русская литература в 1844 году» (Белинский, т. 8, с. 451–461).

2.

...спустил их вчера в банчишко. – Банк, или штосс, – вид азартной карточной игры, в которой одно лицо (банкомет) ставит определенную сумму денег против всех остальных игроков (понтёров).

3.

...вечерком в Сокольники ~ Цыгане поют... – Знаменитый московский хор цыган Ильи Соколова (современника Пушкина) исполнял преимущественно старые русские песни. После смерти его руководителя, в 1848 г., хор перешел к И. В. Васильеву. Его слушателями бывали А. Н. Островский, А. А. Фет, А. А. Григорьев, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев (см.: Глумов А. Н. Музыка в русском драматическом театре. М., 1955, с. 248; Штейнпресс Б. К истории «цыганского пения» в России. М., 1934, с. 12).

4.

...Поль де Кок! – Кок Поль де (Paul de Kock Charles, 1794–1871) – французский писатель, очень популярный в России в 1830–1840-х годах среди невзыскательных, малокультурных читателей.

5.

... в Троицкую Сергиеву лавру... – Троице-Сергиева лавра находилась в Сергиевом Посаде (ныне г. Загорск Московской области).

6.

...из тех писем, которыми он впоследствии наделял меня. – П. В. Анненков сообщал писателю 5 (17) сентября 1860 г. из Петербурга о его двоюродном брате М. А. Тургеневе: «...явился ко мне какой-то плачущий и голодный (по его уверению) Тургенев с Кавказа. Он Вашим именем просил денег, а для такого имени отказа не имею. Хорошо ли я сделал, дав ему 40 р. – не знаю...» К своему письму Анненков приложил следующую записку: «Добрейший и многоуважаемый Иван Сергеевич, попал в Петербург не вовремя, не застал Вас; не без добрых людей, т-г Анненкову угодно было выручить меня, одолжив мне 40 р. сер. Не забудьте душевно Вам преданного, а мне позвольте добраться до Спасского. Ваш М. Тургенев» (Труды ГБЛ, вып. 3, с. 99).

7.

...на карту поставить – паролі пэ... – Пароли пе (франц. paroli) – учетверенная ставка в азартной карточной игре.

8.

...Мишу за ноги к задку саней, как Гектора к колеснице Ахиллеса! – В книге XXII «Илиады» Гомера речь идет об единоборстве Гектора с Ахиллесом. После победы Ахиллес трижды объезжает вокруг стен Трои, волоча тело убитого Гектора, привязанное за ноги к колеснице.

9.

...хождение ~ по семи Семионам... – Вероятно, это выражение М. Полтева восходит к народной русской сказке «Семь Семионов» (см. варианты ее в издании: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева / Под ред. М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова. М., 1936. Т. 1, № 145–147).